

Markosow, Wassilij Wassiljewitsch., ein Bevollmächtigter der russischen "Rote Kreuz Gesellschaft" in der 1. Armee des Generals von Rennenkampff. Petrograd 1915. Ss. 4-9.

182
194

В. В. Маркозовъ.

ТЯЖЕЛОЕ

НЕДАВНЕЕ

ПРОШЛОЕ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типография «Виржевыхъ Вѣдомостей», Галерная, соб. д., № 40.

1915.

Всѣ мы это знали, это было наше оружіе.

Въ концѣ августа армія наша начала отступать изъ Восточной Пруссіи, нехотя и не торопясь отступалъ и Красный Крестъ, поставившій себѣ задачей забрать и увезти по возможности всѣхъ раненыхъ до послѣдняго. На всѣхъ конечныхъ станціяхъ молодецкимъ нашимъ желѣзнодорожнымъ баталіономъ возстановливаемыхъ дорогъ всегда былъ лазаретъ Краснаго Креста, который принималъ неограниченное количество раненыхъ, совершенно не считаясь съ числомъ, ему по штату положеннымъ.

Ни одному врачу въ голову не приходило сказать, что персоналъ усталъ, хотя дѣйствительно всѣ обились съ ногъ, или что въ лазаретѣ нѣтъ мѣста. Съ чувствомъ особой благодарности вспоминаю профессора В. А. Оппея и лазареты Владимірскій и Французскій, которыхъ дѣятельность особенно близко протекала на моихъ глазахъ. Изъ отдѣльно командированныхъ сестеръ не могу не отмѣтить двухъ графинь Бенигсенъ и баронессу Врангель, несшихъ безропотно тяжелѣйшую службу, и Великую Княгиню Марію Павловну Младшую, покинувшую Инстербургъ лишь по личному приказанію командующаго арміей генерала Рейненкампа, когда положеніе наше въ городѣ сдѣлалось безнадежнымъ.

30-го августа, около 10-ти часовъ утра, проводивъ со станціи Гумбиненъ въ Россію послѣдній обстрѣляемый уже непріятельскимъ разѣздомъ санитарный поѣздъ, я на автомобиль, на которомъ былъ спереди флагъ Краснаго Креста и съ трехъ сторонъ нарисованы знаки Краснаго Креста, отправился на западъ, на выручку поѣзда съ нашими ранеными, который сошелъ съ рельсъ между Гумбиненомъ и Даркеномомъ. На поѣздѣ этомъ для приѣма раненыхъ находился командированный мною мой помощникъ смѣлый и энергичный К. К. Гринвальдъ, который въ «неисполненіе» конвенцій еще и теперь томится въ плѣну. При выѣздѣ около гор. Гумбинена съ бокового шоссе на главное я оказался между головными пѣхотными патрулями и ядромъ пѣхотнаго полка, шедшаго въ головѣ 11-го германскаго корпуса, идущаго изъ Бельгіи, ослѣпленнаго своими удачами и успѣхами. По приказанію двухъ подскочившихъ нижнихъ чиновъ съ наведенными на

меня револьверами я повернулъ автомобиль по указанному ими направленію и былъ приведенъ на площадь въ гор. Гумбиненъ. Сопровождавшіе меня взявшіе меня въ плѣнъ рядовые стали на подножки, спиною ко мнѣ, по обѣимъ сторонамъ моего шофера и санитаря, сидѣвшихъ на передней скамейкѣ, и пока меня везли я съ большимъ усиліемъ сдерживался, чтобы не пустить по пулѣ въ затылокъ двумъ этимъ группамъ. Путь въ Россію былъ еще свободенъ! Женевская конвенція не позволила мнѣ этого сдѣлать! На площади въ Гумбиненѣ, гдѣ солдаты были вскорѣ еще около ста нашихъ плѣнныхъ солдатъ, нѣмцы ихъ раздѣли и обыскали, обыскавъ, не раздѣвая, и меня. Съ самаго начала и до конца пребыванія на этой площади насъ непрерывно всѣ проходившія войска и мѣстное населеніе ругали мародерами и разбойниками, кричали, что насъ необходимо всѣхъ повѣсить, и издѣваясь кричали: «Вотъ вамъ Берлинъ, въ цѣпяхъ въ Берлинъ! Парижъ уже вчера взяли, а черезъ три недѣли будетъ взятъ и Петербургъ!» Съ площади этой, гдѣ на меня и нѣкоторыхъ другихъ конвой надѣлъ свои ранцы, несмотря на мое заявленіе, что я больной и, какъ уполномоченный Краснаго Креста, не долженъ подвергаться подобному обращенію, насъ повели, сопровождая той же руганью и насмѣшками, по шоссе по направленію къ Сталюпенену, гдѣ и остановили верстахъ въ трехъ отъ гор. Гумбинена. Тамъ, на полѣ около шоссе, мы просидѣли нѣсколько часовъ. Еще подошли плѣнные, въ числѣ ихъ одинъ нашъ старшій офицеръ Я., командиръ отдѣльной части. Здѣсь мы очень пострадали отъ издѣвательствъ проходившихъ войскъ; кавалерія въ особенности была непріятна; солдаты иногда наносили незамѣтно отъ офицеровъ удары тыловой частью пиней, не останавливая своихъ лошадей. Эпитеты «свинья и собака» непрерывно сыпались на насъ. Намъ было приказано сидѣть не двигаясь, причемъ и конвойные, и проходящіе, останавливавшіеся на короткій отдыхъ, громко кричали на насъ, перебивая другъ друга, и невозможно было часто ориентироваться, чего они хотятъ. Мой сосѣдъ Я. при одномъ неожиданномъ окрикѣ повернулъ голову, за что одинъ изъ близъ стоявшихъ нѣмцевъ-солдатъ дернулъ его за усы, вырвавъ часть волосъ. Другому нашему русскому Н., когда онъ повернулъ голову,

нѣмецъ вырвалъ клокъ волосъ на головѣ, дернувъ за фуражку. Съ тѣми же возгласами: «свинья и собака» у меня оборвали послѣдовательно повязку Краснаго Креста съ пальто и пиджака и сорвали Владимірскій крестъ, причѣмъ сорвавшій крестъ положилъ его къ себѣ въ карманъ. Подѣхавшій верхомъ офицеръ приказалъ сорвать погонъ съ Я. и увезъ его съ собой, а солдатъ, исполнившій это приказаніе, сорвалъ у Я. второй погонъ и спряталъ его себѣ въ карманъ. Еще раньше, по требованію проѣзжавшаго маіора, я предъъявилъ ему мои бумаги отъ главнаго управленія Краснаго Креста, которыя онъ забралъ и которыя никогда не были мнѣ возвращены. Генералъ, проѣзжавшій мимо, къ которому я обратился съ просьбой отпустить меня въ Россію на основаніи конвенціи, страшно грубо закричалъ на меня и приказалъ солдатамъ, чтобы они забрали «этого толстяка» и поступали съ нимъ, какъ хотятъ. Солдаты послѣ окрика генерала двумя ударами бросили меня къ автомобилю, который въ это время, чтобы я не убѣжалъ, стоялъ съ протѣкнутыми штыками шинами и оборванными проводами.

II.

Къ вечеру въ этотъ же день насъ повели въ Гумбиненъ, гдѣ помѣстили въ какой-то казармѣ. Тамъ мы оставались два дня, въ теченіе каковыхъ прибыло еще нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ. Въ первый день намъ было позволено купить пищу, а на второй день у насъ отобрали деньги и цѣнные вещи у офицеровъ. Несмотря на мои возраженія и несогласіе отдать деньги и требованіе, чтобы приказаніе о сдачѣ денегъ было подтверждено офицеромъ, унтеръ-офицеры, занимавшіеся отобраніемъ денегъ, приказали немедленно сдать деньги и мнѣ, заявивъ, что это есть добыча немецкой арміи. На это незаконное отобраніе денегъ я подалъ, прибывъ въ лагерь военнопленныхъ, жалобу, въ которой подробно описалъ всѣ обстоятельства отобранія денегъ, автомобиля и моего носильнаго платья и вещей. Въ результатѣ этой жалобы черезъ мѣсяцъ «мнѣ» были возвращены подъ расписку отобранные 78 рублей. Насколько мнѣ извѣстно, многіе офицеры никогда

не получили своихъ денегъ обратно. 200 рублей, отобранные еще ранѣе Гумбинена на полѣ у шоссе у Я., и 40 руб. у Н. имъ также никогда не были возвращены. На второй день пребыванія нашего въ Гумбиненѣ намъ было также разрѣшено купить пищу, что могли сдѣлать только тѣ, кто скрытъ при отобраніи часть денегъ; это было небезопасно, такъ какъ насъ предупреждали о наказаніи за сохраненіе денегъ. Въ Гумбиненѣ казенной пищи намъ не давали, также и въ Инстербургѣ, куда насъ привели переночевать на третій день плѣна, и только въ одномъ изъ этихъ городовъ одинъ разъ намъ дали по куску русскаго чернаго хлѣба, облитаго керосиномъ, сказавъ: «Вы, свиньи, портили, вы и жрите». Весь путь отъ Гумбинена до Инстербурга меня заставили сдѣлать съ колонной плѣшкомъ, несмотря на то, что мои еще въ японскую войну прострѣленные ноги и сильный припадокъ подагры дѣлали всякое для меня передвиженіе плѣшкомъ страшно болѣзненнымъ и труднымъ. Когда мы стояли на улицѣ въ Инстербургѣ, въ ожиданіи впуска въ тюрьму, меня увидѣлъ адвокатъ Форхе, которому раньше, въ бытность мою во главѣ Краснаго Креста, было поручено городомъ Инстенбургомъ во время нашего тамъ владычества, принимать всѣ требованія, предъъявляемыя нами Краснымъ Крестомъ городу. Какъ понималъ и исполнялъ свою задачу русскій Красный Крестъ, распространяться не буду; нижеслѣдующее письмо отъ того же Форхе является достаточной иллюстраціей.

Инстербургъ, 22-го октября 1914 г.

Многоуважаемый г. Маркозовъ!

«Я очень сожалѣю, что вы все еще находитесь въ плѣну и также, какъ г. докторъ Арлартъ, сердечно желаю, чтобы вамъ вскорѣ удалось вновь получить свободу. Что же касается вашей просьбы написать письмо г. военному министру и высшему командующему начальству, то я опасюсь, что ваши заявленія, можетъ быть, пошли не по тому пути, какъ вы предпологали, и полагаю, что въ вашихъ интересахъ будетъ лучше, если я напишу вамъ, а вы мое письмо передадите дальше.

Я могу засвидѣтельствовать, что здѣсь мнѣ пришлось начать сношенія съ вами, спустя немного дней послѣ всту-

плени русских войск в августе 1914 года; после того, как назначенный губернатором Инстербурга г. доктор Бирфрендль направил ко мне русский Красный Крест со всеми его желаниями. Вплоть до 10-го сентября 1914 г. я все время видел вас в гражданском платье с повязкою Красного Креста и из ваших слов, а также из объяснений русских врачей, в особенности же г. фон-Грюнвальда, узнал, что вы—главный представитель русского Красного Креста при армии его превосходительства фон-Ренненкампа. Вы всегда шли навстречу мне в самой любезной форме и никогда не предъявляли къ городу требований, которые трудно было бы исполнить. Обращение с вами всегда было мне очень приятно, и я получил впечатлѣніе, что вы, в видахъ гуманности, предлагали старания къ тому, чтобы насколько это в вашихъ силахъ смягчить для города и его населенія тяжесть русского вторженія. Яенѣ всего проявился вашъ доброжелательный образъ мыслей в случаѣ, когда вслѣдствіе учиненнаго двумя самозванными сестрами милосердія германскаго Краснаго Креста у раненыхъ и у русской сестры-воровства его превосходительство фон-Ренненкампфъ наложилъ штрафъ въ 25,000 марокъ на городъ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ немедленно уплаченъ. Именно вы въ тотъ же день явились и сообщили его превосходительству фон-Ренненкампфу, что городъ ничего общаго съ этими воровскими личностями не имѣетъ *) и этимъ сдѣлали то, что еще въ тотъ же вечеръ мы получили увѣдомленіе о сложеніи означеннаго штрафа.

Казначейша Ковалевская, работавшая здѣсь въ качествѣ сестры милосердія въ мѣстномъ гарнизонномъ лазаретѣ, еще до вступленія русскихъ, и оставшаяся на своемъ мѣстѣ также и во время русскаго господства, рассказывала мне о васъ очень много хорошаго, что она вполне готова подтвердить. По ея словамъ, вы неоднократно высказывались и дѣйствовали въ томъ смыслѣ, что Красный Крестъ у русскихъ такъ же, какъ и у германцевъ, долженъ быть разсматриваемъ, какъ международное учрежденіе, и что онъ

*) Мною было доложено генералу Ренненкампу, что двѣ германскія сестры милосердія прибыли въ Инстербургъ изъ Сталпопенена съ нашимъ госпиталемъ, въ составѣ котораго онѣ начали работать еще въ Сталпопененѣ.

обязанъ подавать помощь безъ различія, какъ другу, такъ и недругу, даже болѣе того,—чтобы раненымъ неприятельскаго войска, по сравненію съ таковыми собственнаго войска, скорѣе отдавалось предпочтеніе, чѣмъ оставленіе ихъ на второмъ планѣ. Передъ нашимъ прибытіемъ въ Инстербургъ германскій флагъ Краснаго Креста былъ сорванъ русскими солдатами и брошенъ въ грязь, но, послѣ краткаго представленія г-жи Ковалевской вы приказали, чтобы этому флагу вновь было оказано уваженіе, и онъ былъ поднятъ надъ гарнизоннымъ лазаретомъ *). Вы сами лично принимали участіе въ поднятій флага. Когда при отступленіи русскаго санитарнаго корпуса всѣ медикаменты и перевязочные матеріалы были уже уложены для того, чтобы взять ихъ съ собою, вслѣдствіе замѣчанія г-жи Ковалевской, что вещи эти снова понадобятся германцамъ, такъ какъ замѣна ихъ новыми въ городѣ невозможна, приказали и настояли, чтобы приблизительно половина медикаментовъ и перевязочныхъ матеріаловъ была распакована и оставлена на мѣстѣ.

Г. докторъ Арлартъ, здѣшній главный врачъ окружной больницы, находился подъ вашимъ начальствомъ въ то время, когда окружная больница была объявлена русскимъ военнымъ лазаретомъ и переполнена русскими ранеными. Онъ хвалитъ ваше вдумчивое и любезное поведеніе, и сдѣлалъ наблюденіе, что вы старались, чтобы обращеніе съ германскими ранеными было не хуже, чѣмъ съ русскими, и онъ обращалъ особое вниманіе на то, что, благодаря вашему участію, оказалось возможнымъ оставить въ больницѣ тѣхъ больныхъ, которые поступили изъ числа гражданскаго населенія, и не лишать ихъ должнаго ухода.

Г. докторъ Арлартъ такъ же, какъ и г-жа Ковалевская, высказали готовность быть допрошенными въ качествѣ свидѣтелей. Я удостоверяю для дальнѣйшаго использованія этого письма, что все сказанное мною—сухая правда. Также удостоверяю точность изложенія показаній г. доктора Арларта и сестры Ковалевской.

Желаю, чтобы это письмо принесло вамъ пользу.

Моя жена и я сердечно вамъ кланяемся.

Вашъ (подпись) Форхе, юридическій совѣтникъ.

*) Рядомъ съ русскимъ флагомъ «Краснаго Креста».